

Имена собственные в переводе художественного произведения (на материале перевода на английский язык “Истории одного города” М. Е. Салтыкова-Щедрина)

А. В. КАЛАШНИКОВ

Московский государственный
лингвистический университет,
г. Москва, Россия

Статья посвящена проблеме передачи имен собственных (онимов) в переводе художественного произведения. Материалом исследования стала книга “История одного города” М. Е. Салтыкова-Щедрина, переведенная на английский язык Сюзи Браунсбергер. Большое внимание в статье уделяется влиянию типа нарицательной основы онима на передачу формы имени. Онимы, содержащие нарицательные основы, подразделены: на имена, не производные от нарицательных, имена значимые, экспрессивные имена, прозвища и имена, содержащие нарицательную основу, но не характеризующие персонаж. Также рассматривается передача имен исторических личностей, известных литературных персонажей и названий произведений.

Имена собственные в художественном произведении играют важную роль. Они указывают на время и место действия, социальный статус и национальность персонажа. Онимы, содержащие в своих основах компоненты нарицательных существительных и прочих частей речи, способны параллельно с функцией именования выполнять функцию характеристики персонажа или населенного пункта.

В настоящей статье рассматривается проблема передачи имен собственных в переводе на английский язык “Истории одного города” М. Е. Салтыкова-Щедрина. Также объясняются значения внутренних форм некоторых имен, фамилий и топонимов, их взаимосвязь с текстом, и анализируется, насколько было необходимо передавать их внутрilingвистические значения.

Под именами собственными в статье понимаются устойчивые обозначения единичных объектов: личные имена, отчества, фамилии, названия географических объектов, произведений литературы и искусства.

Значимое (характеристическое) имя собственное — это имя, выражающее характеристику носителя имени собственного. Частичное или полное соответствие нарицательной основы имени характеристике его носителя называется значимостью или характеристичностью. Наричательная основа — имя или его

часть, схожая по форме с нарицательным словом: Комар (нарицательная основа “комар”), Половинкин (нарицательная основа “половинка”).

Значимые имена собственные можно передать с помощью переводческой транскрипции или транслитерации, как принято передавать собственные имена, но тогда у таких вымышленных имен утрачивается подтекст, который они несут, поэтому в произведениях, где они служат частью авторского замысла, их переводят с учетом внутрilingвистического значения, содержащегося в нарицательной основе имени.

В разные эпохи значимые онимы при неоднозначном отношении к ним литературоведов были одним из неотъемлемых атрибутов художественного произведения, однако в переводах романов Ч. Диккенса, У. Теккерея на русский язык [1] и пьес Н. В. Гоголя и А. Н. Островского на английский значимым онимам не уделялось должного внимания. В то же время в некоторых произведениях внутренняя форма значимых имен, представляющих собой один из элементов авторского замысла, передавалась, в частности, в “Истории одного города” М. Е. Салтыкова-Щедрина, переведенной на английский язык Сюзи Браунсбергер (Saltykov-Shchedrin M. E. *The History of a Town*. Translated by Susan Brownsberger. Michigan: Ardis Publishers, 1982)*

*Эта книга переводилась и на другие европейские языки, в частности на немецкий *Geschichte einer Stadt* (1994 г.), французский *Histoire d'une ville* (1994 г.), итальянский *Storia di una città* (1961 г.)

С. Браунсбергер является одной из ведущих переводчиц произведений русской литературы на английский язык. Ее стилю присуще передавать тонкости оригинала, не допуская при этом отступлений. Благодаря ее работе англоязычный мир познакомился с произведениями советской и современной российской литературы: повестью В. Аксенова “Апельсины из Марокко”, романом Ф. Искандера “Сандро из Чегема”, романом А. Битова “Пушкинский дом” и другими.

“История одного города” М. Е. Салтыкова-Щедрина относится к произведениям русской классической литературы и представляет собой сатирическое описание правления в России. За образами градоначальников, отдельными намеками и деталями повествования читателем угадываются подлинные лица и факты, относившиеся к событиям конца XVIII и первым десятилетиям XIX века. Такая “историческая форма рассказа” позволяла писателю говорить о современности, не вызывая цензурного вмешательства. М. Е. Салтыков-Щедрин искусно пользуется гиперболой, факты подлинной действительности приобретают у него фантастические очертания, что раскрывает ту или иную сторону образа.

Хроника написана красочным, своеобразным, весьма сложным по составу языком; в нем широко использованы и высокий слог старинной речи, и народные изречения и пословицы, и тяжелый слог канцелярских бумаг, и публицистический стиль современной Щедрина журналистики. В книге выявлен 81 персонаж, 15 вымышленных географических названий, упоминаются 67 реальных исторических лиц и персонажей из других произведений, 29 реальных топонимов, не относящихся только к данному произведению, 20 названий произведений литературы и искусства, газет и документов, в том числе 13 вымышленных. Всего зафиксировано в книге 212 собственных имен и названий. Наше внимание направлено на передачу значимых имен собственных.

Значимые имена образуют особую систему в этом произведении и требуют внимания при передаче на иностранный язык. Перед читателем предстают нелепые и отвратительные во всей жестокости, тупоумии, злобной ненависти к народу правители. Градоначальник Брудастый (брудастые — это порода собак, отличающаяся злобностью) управлял г. Глуповым при помощи “органчика” в голове, издававшего лишь две фразы: “Не потерплю!” и “Раззорю!”. Бригадир Фердыщенко морил глуповцев голодом, его преемник Бородавкин спалил тридцать три деревни, чтобы взыскать недоимок в два рубля с полтиною, майор Перехват-Залихватский упразднил в Глупове науки, Феофилакт Беневоленский был одержим страстью к писанию законов, Угрюм-Бурчеев — воплощение дикого произвола, страшный символ насилия и угнетения. В градоначальниках, описанных Щедриным, ясно проглядывают черты российских самодержцев и их приближенных, а некоторые персонажи сочетают в себе черты сразу нескольких исторических личностей. Павел I, Александр I, Сперанский, Аракчеев легко узнаются в фигурах Негодяева, Грустилова, Беневоленского и Угрюм-Бурчеева (фамилия последнего созвучна с фамилией прототипа Аракчеева). То есть это произведение имеет много общего с хроникой и романом а-клеф*.

* Иначе романом “с ключом” т. е. романом, в котором угадываются реальные события, а под измененными именами проглядывают реальные лица.

“История одного города” насыщена собственными именами реальными и вымышленными, содержит множество персонажей, среди которых особое место занимают персонажи со значимыми именами собственными, упоминаются персонажи из других произведений, реальные и вымышленные географические названия. Как и в любом произведении, связанном с историей, здесь встречается множество аллюзий, не всегда до конца понятных даже читателям оригинала, поэтому издания этого произведения, как правило, сопровождаются подробными ссылками, пояснениями и комментариями. В издании, по которому проводился анализ [2], они разделены на две части: *Background Notes* (“Примечания”), где даются объяснения некоторым эпизодам и их связи с историческими событиями, а также разъясняются характеристики вымышленных персонажей, и *Glossary of Names and Terms* (“Глоссарий”), в котором дополнительно кратко сообщается об исторических личностях и географических названиях, в частности древние названия: Пропонтида (*Propontis*), древнее название Мраморного моря.

Имена собственные людей далее можно разделить на вымышленные антропимы и персоналии (персоналии — имена известных людей, мифологических и хрестоматийных литературных персонажей) и топонимы — вымышленные и реальные. Реальные одушевленные и неодушевленные объекты были переданы переводческой транскрипцией (Кирила Разумовский — *Kirila Razumovsky*, Святослав Игоревич — *Svyatoslav Igorevich*) или устоявшимися обозначениями в языках, в которых они сформировались (Бирон — *Von Bühren*; Фома Кемпийский — *Thomas a Kempis*).

Встречаются названия реальных литературных произведений: “Слово о полку Игореве” — *The Lay of Igor's Army*, оперетта Ж. Оффенбаха “Прекрасная Елена” — *La Belle Hélène*, и вымышленных: повесть Грустилова “Сатурн, останавливающий свой бег в объятиях Венеры” — *Saturn Checking His Flight in the Arms of Venus*; документ, сочиненный Беневоленским “Устав о добропорядочном пирогах печении” — *Statute on the Good and Proper baking of Pies*.

Имена вымышленных персонажей рассматриваемого произведения подразделены: на имена, не производные от нарицательных, имена значимые, экспрессивные имена, прозвища и имена, содержащие нарицательную основу, но не характеризующие персонаж. На эти же группы подразделяются и топонимы.

Имена и фамилии, не содержащие нарицательных частей, транскрибировались: Линкин — *Linkin*, Урус-Кугуш-Кильдибаев — *Urus-Kugush-Kildibaev*, в том числе и имена эпизодических персонажей: крестьян, юродивых, солдат, которым даны лишь личные имена, с различными уничижительными суффиксами: Матренка — *Matryonka*, Аксиньяшка — *Axinyushka*, Митька — *Mitka*, Яшенька — *Yashenka*.

Основным способом передачи в переводе “Истории одного города” значимых имен была передача нарицательной основы с присоединением суффиксов: -*ov* Великанов — *Gigantov*, -*kin* Половинкин — *Halfkin*, -*tsky* Мерзницкий — *Abominitsky*, служащих также и средством указания на национальную принадлежность, то есть, что это русские фамилии. Встречаются фамилии идентичные по форме с нарицательными существительными: Прыщ — *Pimple* (*pimple* — “прыщ”),

Комар — Mosquiter (*mosquito* — “комар”), тем самым схожие с прозвищами. Прозвища передаются словами, с которыми они совпадают по форме: Степка Горластый — *Styopka the Loudmouth*, Пётра Долгий *Puotra the Tall*. Отличительной чертой прозвищ в английском языке служит наличие определенного артикля.

Признаком значимого имени является не только полное или частичное сходство с нарицательным, но и наличие характеристики у персонажа или географического объекта носителя имени, выявляемого с помощью мотиватора.

Мотиватор (термин заимствован у А. А. Живоглядова) — единица текста, выражающая на основе синонимии, омоимии, паронимии, иронии тематическое сходство со значениями отдельных морфем или морфемы имени собственного и обеспечивающая ему свойство характеристичности. Основное назначение мотиватора — подтвердить наличие характеристики в основе имени собственного, поэтому он должен передавать информацию о носителе.

Мотиваторы бывают эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные мотиваторы представлены словом или словосочетанием. Значимые имена собственные с эксплицитными мотиваторами наиболее явные, понятны почти сразу. В примерах анализируемые онимы будут подчеркиваться, а их мотиваторы будут выделяться полужирным шрифтом. Ниже в качестве примера приведена характеристика статского советника Э. А. Грустилова:

Грустилов, Эраст Андреевич, статский советник. Друг Карамзина. Отличался нежностью и чувствительностью сердца, любил пить чай в городской роще, и не мог без слез видеть, как токуют тетери. Оставил после себя несколько сочинений идиллического содержания и умер от меланхолии в 1825 году [3, с. 34].

Melancholov, Erast Andreevich, Councilor of State. Friend of the novelist Karamzin. Was notable for the gentleness and sensitivity of his soul, liked to drink tea in the town grove and could not but shed tears on seeing the mating of the black grouse. Left several works, idyllic in content, and died of **melancholy** in 1825 [2, p. 29].

Мотиватором к этой фамилии с характеристической значимостью, то есть чья нарицательная основа обладает нейтральной окраской, выступает слово “меланхолия”, в английском переводе тот же мотиватор (*melancholy*), а фамилия передана *Melancholov* (*melancholy* означает по-английски “грусть”). Для передачи нарицательной основы здесь использовано зафиксированное в словарях узуальное соответствие.

Значимое имя де Сан-Кюлот (*de Sans-Culottes*) сохраняет значимость при передаче словом-интернационализмом. Мотиватором стало имя одного из вождей якобинцев Жана Поля Марата, упоминаемого как брата героини де Сан-Кюлот. *Sans-culottes* по-французски означает “без коротких штанов”. Так называли французских революционеров. Слово *sans-culottes* также было заимствовано английским языком и имеет то же написание, только слитное *sansculottes*.

Эксплицитными мотиваторами обладают фамилии градоначальников: Угрюм-Бурчеев, Негодяев, но они в силу экспрессивной окраски нарицательных основ являются экспрессивно-характеристическими именами. Например, фамилия Угрюм-Бурчеев несет в себе экспрессивность за счет сочетания основ “угрюмый” и “бурчать”, обладающих отрицательной коннотацией, а

последнее еще и разговорной окраской. Мотиватором к фамилии служит слово “прохвост” (первоначально так называли палача и смотрителя в военных тюрьмах, а позднее это слово приобрело значение “подлец”, “негодяй”), *hangman* — “палач”:

Угрюм-Бурчеев, бывший прохвост. Разрушил старый город и построил другой на новом месте [3, с. 34].

Gloon-Grumblev, former regimental **hangman**. Destroyed the old town and built another on a new spot [2, p. 29].

Имплицитные мотиваторы четко в тексте не представлены и возникают на основе всей информации о носителе имени. Они нередко встречаются у часто упоминаемых имен или названий, тем самым автор избегает открыто выражать свое мнение или отношение к герою или населенному пункту.

В качестве примера значимого имени собственно-го с имплицитным мотиватором можно привести топоним Глухов. Конкретных отрицательных характеристик этого города, в котором и разворачивается сюжет, нет, однако из текста всего произведения, описания правителей города, народа, который забит и невежествен, вполне очевидна такая характеристика и, следовательно, неслучайность основы названия “глупый”. Переведен он *Foolov* от *fool* — “дурак”, “глупец”.

Мотиваторами выступают и имена собственные, расположенные близко друг к другу и образующие своими основами семантическое поле. Такие имена называются взаимосемантизирующими. Экспрессивность у них вызывается основами фамилий, прозвищ или географических названий, связанных тематически, при этом информации о самих носителях может быть представлено мало или она вовсе может отсутствовать, но тематическая близость основ оказывает экспрессивное воздействие. Взаимосемантизирующаяся значимость может дополняться характеристической значимостью, то есть наличием мотиваторов, как в приведенном ниже примере, где эпизодически упоминаются село Недоедово (*Underfedovo*) и деревня Голодаевка (*Faminovka*) с мотиватором “голодные”:

Но так как Глухов всем изобилует и ничего, кроме розог и административных мероприятий, не потребляет, другие же страны, как-то: село **Недоедово**, деревня **Голодаевка** и проч., суть совершенно **голодные** и притом до чрезмерности жадные, то естественно, что торговый баланс всегда склоняется в пользу Глухова [3, с. 200].

But whereas Foolov was rich in everything and needed nothing but burchings and administrative measures, while other countries — namely, the village of **Underfedovo**, the village of **Faminovka** and so on — were utterly **starving** and extremely greedy besides, then naturally the balance of trade was always tipped in Foolov's favor [2, p. 167].

Значимых имен, обладающих мотиваторами, в рассматриваемом произведении оказалось не столь много, однако встречаются имена просто с экспрессивной окраской. Такие экспрессивные имена не отражают характеристики носителя, но вызывают ассоциации с каким-то объектом или понятием. Преимущественно ассоциациям подвержены прозвища и имена собственные, содержащие основы слов с экспрессивным нарицательным значением. Сниженная, просторечная лексика, уничижительные, шутливые слова, эвфемизмы, слова,

выражающие недостатки, междометия и другая, ограниченная в использовании по этическим, эстетическим соображениям, неполиткорректная, табуированная лексика, диалектизмы имеют свойство независимо от контекста вызывать в сознании слушающего или читающего ассоциации, чувства, мысли. Эта лексика, привлекаемая для образования имен, заставляет читателя искать объяснение или обоснование выбору основы имени собственного, его коммуникативной релевантности. Наричательная основа, например, фамилии Негодяев (Sonovabitchev), придает экспрессивность и отрицательную коннотацию независимо от характеристики персонажа.

Подобная экспрессивность содержится и в фамилии Бородавкин. Этот градоначальник, хотя не обладал лестными характеристиками, но характеризовать его через основу фамилии *бородавка* нельзя. Наричательная основа выполняет исключительно экспрессивную функцию. Отметим, что этого градоначальника, который вел войны против своего народа, гораздо лучше характеризует имя Василиск. Имя Василиск обладает имплицитным мотиватором и характеристической значимостью. Согласно античной мифологии, Василиск — это имя дракона, убивающего своим взглядом. Василиск Бородавкин обладал кипучей энергией, всегда знал, что и где происходит, и даже во время сна один глаз у него был всегда открыт, что наводило ужас на домашних.

В книге встречаются эпизодические персонажи с именами, не обладающими какой-либо значимостью, и о которых почти ничего неизвестно, тем не менее они переведены: *Толковников* — *Talknikov*, *Младенцев* — *Infantov*, *Половинкин* — *Halfkin*, *Боголенов* — *Deiformov*, *Чернотуп* — *Blackfoot*. Возможно, такие фамилии указывают на некоторую экспрессивность, поскольку они намеренно использованы и являются вымышленными. Из этой группы фамилий хочется обратить внимание на перевод последней *Blackfoot*. В английском языке *blackfoot*, согласно Оксфордскому словарю [4], означает: 1) племя североамериканских индейцев и 2) свата (сваху). Об этом персонаже лишь известно, что он служил денщиком у одного из градоначальников. Привнести характеристику, в частности индейца, переведя эту фамилию (*Blackfoot*), представляется не совсем целесообразным, тем более что она ни значимая, ни экспрессивная. Так, фамилия другого эпизодического персонажа Алешки Беспятова транскрибирована — *Alyoshka Bespyatov*.

В книге немало персонажей-иностранцев. Для их именования Салтыков-Щедрин подбирает фамилии, соответствующие их национальности. Среди них градоначальник немец Богдан Богданович Пфейфер (Bogdan Bogdanovich Pfeifer); французы градоначальники: Антон Протасьевич де Санглот (Anton Protasievich de Sanglot), Ангел Дорофеич Дю-Шарио (Angel Dorofeevich Du Chariot), Клемантинка де Бурбон (Clementinka de Bourbon); поляк Анеля Алоизиевна Лядоховская (Anelya Aloizievna Ladochovska); грек Ламврокакис (Lamvrokakis); черкез Ксаверий Георгиевич Микаладзе (Ksavery Georgievich Mikaladze); турок Маныл Самылович Урус-Кугуш-Кильдибаев (Manyl Samylovich Urus-Kugush-Kildibaev). Такие имена либо транскрибировались, либо передавались с учетом их оригинального написания.

Некоторые из этих фамилий обладают завуалированной значимостью, то есть это имена, воспринимае-

мые как иностранные и указывающие лишь на национальность, однако в языках, которым они принадлежат по происхождению, они содержат нарицательные основы. В частности, немецкая фамилия одной из правительниц Амалии Карловны Штокфиш (Stockfisch), в чьем образе угадывается императрица Екатерина II, как слово (*stockfisch*) означает: 1) треска, 2) разг. олух, скучный человек и это же значение весьма явно в английской *stockfish* — “вяленая рыба”; фамилию аптекаря Зальцфиша *Salzfisch* как слово *salzfisch* можно понять и как — “засоленная (соленая) рыба”. Фамилия градоначальника Богдана Богдановича Пфейфера (Bogdan Bogdanovich Pfeifer) означает — “свистун” (*pfeifer*).

Среди французских по происхождению фамилий можно выделить: Дю-Шарио и де Санглот. Градоначальник Антон Протасьевич де Санглот (Anton Protasievich de Sanglot) упоминается лишь дважды в произведении и известно о нем лишь, что летал в городском саду по воздуху и отличался легкомыслием. Но уместно отметить, что *sanglot* в переводе с французского означает “рыдание”, “всхлипывание”. Ангел Дорофеич Дю-Шарио прежде чем стать градоначальником вел бродячую эмигрантскую жизнь, и его фамилия *Du Chariot* (*chariot*) переводится “телега”, что вполне намекает на жизнь человека, не имеющего пристанища.

Фамилия градоначальника Беневоленского переводится с латыни “bene volens” — “желающий добра”, что с учетом совпадений в его описании с фактами из биографии М. М. Сперанского, является аллюзией на русского политического деятеля. Реальный политик и персонаж книги закончили семинарию, имели склонность к законодательской деятельности [5, с. 239]. На английский язык эта фамилия транскрибирована, и тем самым раскрывается характеристика этого героя более явно, чем в оригинале: *Benevolensky*. По-английски *benevolence* означает “благожелательность”, “доброта”, “человеколюбие”, “благотворительность”, и эта фамилия приобретает мотиватор, положительно характеризующий персонаж, а с ним и характеристическую значимость:

Беневоленский, Феофилакт Иринархович, статский советник, товарищ Сперанского по семинарии. Был мудр и оказывал склонность к законодательству. Предсказал гласные суды и земство. Имел любовную связь с купчихой Распоповой, у которой по субботам едал пироги с начинкой. В свободное от занятий время сочинял для городских попов проповеди и переводил с латинского сочинения Фомы Кемпийского. Вновь ввел в употребление, яко полезные, горчицу, лавровый лист и прованское масло. Первый обложил данью окуп, от которого и получил три тысячи рублей в год. В 1811 году за потворство Бонапарту был призван к ответу и сослан в заточение [3, с. 33].

Benevolensky, Feofilakt Irinarkhovich, Counsellor of State, a seminary friend of Speransky's was wise and showed a penchant for lawmaking. Predicted open public trials and elected provincial governments. Had an amorous liaison with the merchant's wife Raspopova, at whose home he used to eat pie on Saturday. In his free time composed sermons for the town priests and translated the works of Thomas a Kempis from Latin. Reintroduced the use of mustard, bay leaf, and olive oil as being healthful. Was the first to lay a tribute upon the liquor franchise, by which device he obtained three thousand rubles a year. In 1811, for pandering to Bonaparte, was called to a court and exiled to imprisonment [2, p. 28].

Фамилия градоначальника Фотия Петровича Ферাপонтова передана *Servantov*, хотя воспринять внутреннюю форму фамилии, производную от церковного имени Ферапонт, в оригинале сложно. Однако переводчица выявила греческое происхождение этой фамилии: древнегреческое *therapontos* — “помощник”, “слуга” и перевела ее с помощью нарицательной основы *servant* и добавления типичного форманта русской фамилии *-ov*. Характеристикой персонажа в переводе выступает значение “слуга”. Критик Г. В. Иванов, на которого ссылаются в комментариях к американскому изданию [2, р. 197], указывает на связь характеристики, содержащейся в фамилии персонажа, с историческим фактом, что брандербург Павла I был взят в плен турок, который, даже получив титул графа, продолжал брить царя. Мотиватором к этой фамилии в переводе становится бывшая профессия персонажа — брандербург. Таким образом, значимость была эксплицирована, как и в примере выше:

Ферাপонтов, Фотий Петрович, бригадир. Бывший брандербург одного же герцога Курляндского [3, с. 32].

Servantov, Foty Petrovich, Brigadier. Former tonsorial artist to this same Duke of Courland [2, р. 27].

Если предположить, что переводчица предприняла попытку раскрыть значимость и передать ее, соотнося характеристику с древнегреческим значением, то на том же основании можно было бы переводить и личные имена, которые, как утверждают критики, указывают на сходство с Александром I. Так, имя Эраст для Грустилова Щедрин взял, по мнению известного критика Б. М. Эйхенбаума, из повести Н. М. Карамзина “Бедная Лиза”. По-гречески оно означает “любownik”, что характеризует данный персонаж, а сочетание этого имени с фамилией Грустилов дает общую характеристику Александра I [5, с. 249]. Намеки на Александра I угадываются в именах градоначальника Никодима Ивановича и Ангела Дорофеича Дю-Шаро. Никодимом, что значит “победитель народов”, называли российского императора после победы над французами. В придворных и великосветских кругах Александра I называли “ангел”, “наш ангел”. Имя Дорофей значит “благословенный”, так тоже называли Александра I [5, с. 247].

Затронув тему имен с завуалированной значимостью, необходимо указать на перевод некоторых имен, содержащих нарицательные основы, которые представляют собой либо совершенно вышедшие из употребления слова, или диалектизмы. Возможно, на момент написания книги в 1870 году эти слова были более распространены и понятны читателям оригинала, чем сейчас. В связи с этим возникает вполне актуальный вопрос о правомерности перевода онимов с такими нарицательными основами.

В главе “Войны за просвещение”, где градоначальник Бородавкин начинает войну против глуповцев, поскольку те отказывались употреблять в пищу горчицу, упомянута гора Свистуха. Свистуха, по свидетельству словаря В. И. Даля [6], является одним из названий свисты (wigeon), птицы семейства утиных, обитающей на озерах и в лесах. Переведена гора Свистуха *Whistle Duck Mountain*. *Whistle Duck* — это древесная утка, которой также свойственно свистеть во время полета. То есть при замене в переводе вида птицы общий признак “громко кричать” сохранен, но вряд ли русскому читателю известно об утке, чье название совпадает с названием горы.

Также переведено прозвище юродивого Возгрявый (*Snotpuss snot + puss* — “сопливая рожа”), происходящее от прилагательного “возгрявый” и означающее “сопливый”, “не утирающий себе носа”, что зарегистрировано в словаре В. И. Даля, и фамилия Боголепов-Deiformov. Эта семинарская фамилия означает “лепый (красивый), как бог”. Для передачи этой фамилии использовано английское книжное слово *deiform* — “богоподобный”, “богообразный”.

Среди значимых персоналий, то есть персоналий, данных другим носителям в целях характеристики, отметим имена несколько измененные, но намекающие на их реальных носителей: Мерзницкий-Abominitsky (*abominable* — “отвратительный”, “гадкий”) и Фунич-Funich, при этом подразумеваются реакционные деятели, боровшиеся против народного образования, М. Л. Магницкий (1778–1855) и Д. П. Рунич (1778–1860). Имя старца Добромысл (*Goodthought*) представляет собою аллюзию на Гостомысла — легендарного предводителя новгородских славян, по преданию, предложившего позвать править на Руси варягов.

В главе “Сказание о шести градоначальниках”, где в сатирической манере описывается правление в России в XVIII веке, самозванка Палеологова обосновывала свои претензии на власть своей “исторической” фамилией и тем, что ее покойный муж, винный пристав, однажды где-то временно исполнял обязанности градоначальника. Упоминаемое “тайное указание”, а с ним и притязания на пост правительницы Глупова, которое видела Палеологова в своей византийской фамилии, заключалось в том, что племянница последнего императора Константина IX — Софья Палеолог — была замужем за великим князем московским Иваном III. Фамилия Палеологова (*Palaeologova*) создает аллюзию на династию византийских императоров Палеологов. Во время царствования Екатерины II в России широкую популярность получила идея присоединить к Российской империи территорию бывшей Византии и назначить там правителем сына Павла I — Константина, названного так Екатериной II в честь византийских императоров.

Двое из четырех архивариусов в книге носят одинаковое имя и фамилию: Мишка Тряпичкин. По всей видимости, Салтыков-Щедрин заимствовал эту фамилию из “Ревизора” Н. В. Гоголя. Тряпичкиным звали приятеля Хлестакова. В английском варианте связь с “Ревизором” утрачивается, поскольку в переводе комедии фамилия этого приятеля транскрибируется: *Tryapitchkin*. В “Истории одного города” фамилия летописца переведена: *Weakgrain weak+grain* — “хрупкое зерно”.

Несколько нестандартными способами переданы некоторые персоналии. Например, упоминается Киприда — одно из имен богини Венеры (Афродиты), указывающее на ее происхождение и место поклонения остров Кипр. На английский Киприда переведена *Venus*, хотя вполне можно было использовать сочетание *the Cyprian goddess* (Кипрская богиня), обозначающее Венеру и указывающее на ее связь с Кипром. Если допустить, что переводчица посчитала словосочетание *the Cyprian goddess* менее употребительным, необходимо отметить, что и в русском языке Киприда встречается для именования Венеры весьма редко.

В отрывке, где названа опера А. Н. Серова “Рогнеда” и автор либретто драматург Д. В. Аверкиев, в переводе либреттист не упоминается:

Кузьма к этому времени совсем уже оглох и ослеп, но едва дали ему понюхать монету рубль, как он сейчас же на все согласился и начал выкрикивать что-то непонятное стихами **Аверкиева** из оперы *“Рогнеда”* [3, с. 155].

Kuzma by this time was completely deaf and blind, but they had no sooner let him sniff a ruble coin than he immediately agreed to everything and began shouting out something unintelligible in pagan verse from the opera Rogneda [2, p. 132].

Для Аверкиева соответствием в данном отрывке стало “pagan” — “языческое”, что передает сущность языческого сюжета оперы — язычница Рогнеда, поклоняющаяся Перуну, становится женой князя Владимира и решает убить князя.

Из 67 персоналий около 22, то есть треть, передана в соответствии с написанием на языке той страны, из которой родом персонаж (Бирон — Von Bühren) или принятым названием, содержащим перевод основ (Карл Простодушный — Charles the Simple). Из 29 существующих топонимов 17 переданы не транскрипцией, а традиционным обозначением в английском языке: Rome (Рим), The Hyperborean Sea (Гиперборейское море). Преобладание традиционного варианта передачи топонимов объясняется упоминанием древних географических объектов, чьи названия складываются в течение многих столетий. Тем не менее, этими показателями хочется опровергнуть нередко встречающееся мнение, что подавляющая часть имен собственных и топонимов, в частности, передается с помощью переводческой транскрипции, и на нее можно всегда с уверенностью рассчитывать, не зная названия в иностранном языке. Несмотря на возможное сходство в написании имен собственных в разных языках, подобного рода обозначения необходимо всегда проверять по справочным изданиям.

Среди имен с переведенными нарицательными основами в *“Истории одного города”* выделены следующие виды: характеристические: Грустилов, Брудастый, Сан-Кюлот (см. разделы таблицы А, Ж); экспрессивно-характеристические: Угрюм-Бурчеев, Негодяев, Василиск Бородавкин, город Глупов (см. разделы Б, З); взаимосемантизирующие значимые имена собственные: Большая улица и Дворянская улица, пригород Полоумнов (см. раздел К); экспрессивные имена: Смирномордов, Карапузов (см. разделы В, И) и прозвища: Степка Горластый (см. раздел Г) и значимые персоналии: Добромysl (см. раздел Е). Большинство значимых имен в произведении передано узואльно, то есть нарицательные основы передавались прямыми словарными соответствиями с добавлением аффиксов: Карапузов — Chubboy, Маслобойников — Butterchurnov, Непреклонск — Adamantsk. Из 81 имени вымышленных персонажей у 38 имен передана нарицательная основа, все 14 вымышленных топонимов с нарицательными основами были переведены. 52 имени (38 антропонимов и 14 топонимов), у которых была передана характеристика, представлены в вышеупомянутой таблице.

В качестве замечаний можно отметить, что перевод онимов, образованных от нарицательных, но не несущих характеристики, представляется нецелесообразным, хотя они привнесли некоторую дополнительную яркость тексту произведения в целом.

Раскрытие внутрилингвистического значения форм некоторых фамилий, а с ним и их значимости, была лишней, например, фамилии Фералонтов — Sernantov, где переведена основа, представляющая собой греческое слово, или перевод онимов, содержащих нарицательные основы, но не характеризующих персонажей: Младенцев — Infantov, Байбаков — Dormousov (см. разделы Д, Л), перевод нарицательных основ, представляющих собой устаревшие слова Возгравый — Snotruss, Боголепов — Deiformov. Однако на характеристике персонажей или стиле произведения это никак не отразилось.

Особенностью перевода *“Истории одного города”* можно признать особое внимание передаче нарицательных основ имен собственных в отличие от большинства переводов других произведений, где значимые имена обычно транскрибируются. Иногда в этом переводе передавалось внутрилингвистическое значение имен собственных даже там, где в этом не было особой необходимости. Одновременно нельзя не признать качество перевода книги в целом и передачи системы собственных имен и названий, умение выявить в именах необходимую информацию, характеризующую персонажей, воплотив творческий замысел М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. Браунсбергер умело обращалась со способами передачи имен в зависимости от их смысловой и стилистической нагрузки. Ей удалось передать многообразие видов имен, содержащееся в книге, отдавая предпочтение способу перевода, необходимому в каждом конкретном случае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашников А. В. Выявление дополнительных смыслов имен собственных в художественной литературе как один из этапов предпереводческого анализа // НТИ. Сер. 2. — 2004. — № 3. — С. 28–34.
2. Saltykov-Shchedrin M. E. The History of a Town. Translated by Susan Brownsberger. — Michigan: Ardis Publishers, 1982. — 219 p.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1976. — 256 с.
4. The Oxford English Dictionary in 12 volumes. — University Press, 1933.
5. Эйхенбаум Б. М. Комментарии / Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. — 1976. — С. 231–252.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. — М.: Рус. яз., 1981.

Имена с переведенными нарицательными основами в "Истории одного города"

А Характеристические антропони́мы			Б Экспрессивно-характеристические антропони́мы		
1	Дементий Варламович Брудастый	Dementy Varlamovich Wolfhound	1	Василиск Семенович Бородавкин	Basilisk Semyonovich Wartkin
2	Семен Константинович Двоекуров	Semyon Konstantynich Duplecitov	2	Онуфрий Иванович Негодяев	Onufry Ivanovich Sonovabitchev
3	Эраст Андреевич Грустилов	Erast Andreevich Melancholov	3	Угрюм-Бурчеев	Gloom-Grumblev
4	де Сан-Кюлот	de Sans-Colottes	4	Архистратиг Стратилатович Перехват-Залихватский	Archistratig Stratilatovich Madgrab-Bravadsky
			5	Иван Пантелеич Прыщ	Ivan Panteleich Pimple
В Экспрессивные антропони́мы			Г Прозвища		
1	Митька Смирномордов	Mitka Mildmuggov	1	Органчик	Musix Box
2	Иван Матвеевич Великанов	Ivan Matveevich Gigantov	2	Дунька Толстопятая	Dunka the Thiskheeled
3	Устинья Протасьевна Трубочистиха	Ustynya Protasievna Chimneysweep	3	Матренка Ноздря	Matryonka the Nostril
4	Карапузов	Chubbov	4	Степка Горластый	Styopka the Loudmouth
			5	Пётра Долгий	Pyotra the Tall
			6	Мишка Возгрявый	Michka Snotpuss
			7	Филька Бесчастный	Filka the Luckless
Д Антропони́мы с нарицательными основами			Е Значимые персоналии		
1	Павлушка Маслобойников	Pavlushka Butterchurnov	1	Мишка Тряпичкин	Mishka Weakgraim
2	Баклан Иван Матвеевич	Blockhead Ivan Matveevich	2	Добромысл	Goodthought
3	Василий Байбаков	Vasily Dormousov	3	Ираида Лукинишна Палеологова	Iraida Lukinishna Palaeologova
Д Антропони́мы с нарицательными основами (продолжение)			Е Значимые персоналии (продолжение)		
4	Толковников	Talknikov	4	Клемантинка де Бурбон	Clementinka de Bourbon
5	Младенцев	Infantov	5	Наталья Кирилловна де Помпадур	Natalya Kirillovna de Pompadour
6	Сила Терентьев Пузанов	Sila Terentiev Paunchov	6	Мерзицкий	Abominitsky
7	Боголепов	Deiformov	7	Фунич	Funich
8	Василий Черноступ	Vasily Blackfoot			
9	Половинкин	Halfkin			
10	Иона Козырь	Iona Hotspur			
11	Алешка Беспятов	Alyoshka Bespyatov			
12	Пётр Комар	Pyotr Mosquiter			
Ж Характеристические топонимы			З Экспрессивно-характеристические топонимы		
1	город Глунов	the town of Foolov		слобода Негодница	the No-Good District
2	Солдатская слобода	the Soldiers District	И Экспрессивные топонимы		
3	Стрелецкая слобода	the Musketeers District		слобода Навозная	the Dung District
4	Пушкарская слобода	the Cannoneers District	К Взаимосемантизирующиеся топонимы		
5	город Непреклонск	Adamantsk	1	пригород Полоумнов	the suburb of Halfwittov
6	село Недоедово	the village of Underfedovo	2	Большая улица	Great Street
7	деревня Голодаевка	the village of Faminovka	3	Дворянская улица	Gentry Street
			Л Топонимы с нарицательными основами		
				гора Свистуха	Whistle Duck Mountain